

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ТЕОДОР
ДРАЙЗЕР

Сестра Керри

МОСКВА
2021

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д72

Theodore Dreiser
SISTER CARRIE

Перевод с английского *М. Волосова*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении обложки использованы фрагменты работы
художника *Поля Сезара Эллё*

Драйзер, Теодор.

Д72 Сестра Керри / Теодор Драйзер ; [перевод с английского М. Волосова]. — Москва : Эксмо, 2021. — 512 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-154077-7

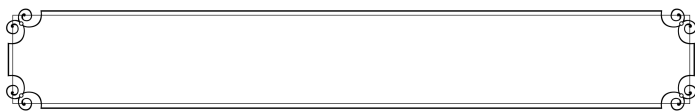
Дебютный роман Теодора Драйзера. Для мировой литературы он стал одним из символов американского реализма: с неподдельной правдоподобностью автор описывает жизнь провинциальной актрисы, ищущей счастья в большом городе Чикаго...

Критика в начале XX века приняла первые произведения Драйзера прохладно, даже враждебно, а издание «Сестры Керри» было сопряжено с такими сложностями, что это привело его создателя к тяжелой депрессии. Но дальнейшая судьба романа оказалась счастливой: он был переведен на многие иностранные языки и переиздан миллионными тиражами. Новые и новые поколения читателей с удовольствием погружаются в перипетии судьбы Каролины Мибер.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Волосов М., перевод на русский язык.
Наследники, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-154077-7

ГЛАВА I

ПРИТЯГАТЕЛЬНАЯ СИЛА МАГНИТА. ВО ВЛАСТИ СТИХИИ

Когда Каролина Мибер садилась в поезд, уходивший днем в Чикаго, все ее имущество заключалось в маленьком сундучке, дешевеньком чемодане из поддельной крокодиловой кожи, коробочке с завтраком и желтом кожаном кошельке, где лежали железнодорожный билет, клочок бумаги с адресом сестры, жившей на Ван-Бьюрен-стрит, и четыре доллара.

Это было в 1889 году. Каролине только что исполнилось восемнадцать лет. Девушка она была смышленная, но застенчивая, преисполненная иллюзий, свойственных неведению и молодости. Если, расставаясь с родными, она о чем-нибудь и жалела, то уж, во всяком случае, не о преимуществах той жизни, от которой она теперь отказывалась.

Слезы брызнули у нее из глаз, когда мать в последний раз поцеловала ее, в горле защекотало, когда поезд прогрохотал мимо мельницы, где поденно работал отец, глубокий вздох вырвался из груди, когда промелькнули знакомые зеленые окрестности города и навек были порваны узы, которые не слишком крепко привязывали ее к родному дому.

Конечно, она могла сойти на ближайшей станции и вернуться домой. Впереди лежал большой город, который связан со всей страной ежедневно прибывающими туда поездами. И не так уж далеко находится городок Колумбия-сити, чтобы нельзя было поехать в родные края даже из Чикаго. Что значит несколько сот миль или несколько часов?

Каролина взглянула на бумажку с адресом сестры и невольно задумалась. Она долго следила глазами за зеле-

ным ландшафтом, быстро мелькавшим перед нею; потом первые дорожные впечатления отошли на задний план, и их место заняли мысли, обгонявшие поезд, и смутные догадки о том, что представляет собою Чикаго.

Когда девушка восемнадцати лет покидает родной кров, то она либо попадает в хорошие руки и тогда становится лучше, либо быстро воспринимает столичные взгляды на вопросы морали и становится хуже. Середины здесь быть не может.

Большой город с помощью своих коварных ухищрений обольщает не хуже опытного соблазнителя, микроскопически малого по сравнению с ним, но куда более гуманного. В городе действуют могучие силы, которые обладают такими способами проникнуть в душу своей жертвы, какие доступны лишь человеку утонченной культуры. Мерцание тысячи огней действует не менее сильно, чем выразительный блеск влюбленных глаз. Моральному распаду бесхитростной, наивной души главным образом способствуют сверхчеловеческие силы. Море оглушающих звуков, бурное кипение жизни, гигантское скопление человеческих улыбок — все это действует на ошеломленное чувство весьма сомнительным образом. Какими только лживыми уверениями не пленяют эти силы неискушенное ухо, если нет рядом советчика, который вовремя шепнул бы: «Берегись!» Их истинная суть пока что не раскрыта, а прелесть их, подобно музыке, вначале притупляет напряженность, потом расслабляет дух и, наконец, извращает элементарные человеческие понятия.

Каролина, или сестра Керри, как ее с оттенком ласковости называли в семье, обладала умом, в котором способность к наблюдениям и анализу находилась еще в самом зачатке. Она была поглощена собой, и этот эгоизм, хотя и не слишком выраженный, был тем не менее основной чертой ее характера. Она была воодушевлена пылкими мечтами юности, мила пресноватой миловидностью переходного возраста, сложение ее обещало в будущем приятную округлость форм, а глаза светились природной сметливостью — словом, она была прекрасным образцом американки среднего класса, которую лишь два поколения отделяло от прадедов-эмигрантов из Европы.

Чтение ничуть не увлекало Керри — мир знаний был для нее за семью замками. Она пока совсем еще не знала, что такое интуитивное кокетство. Она не умела игриво откидывать назад голову, часто не знала, куда девать руки, и хоть ножки у нее были маленькие, но ступала она тяжело. Однако ей хотелось пленять, она быстро усваивала, в чем заключаются радости жизни, и стремилась к материальным благам.

Сестра Керри была плохо вооруженным маленьким рыцарем, который отважно ринулся на огромный, загадочный город, чтобы попытаться счастья, лелея безумную мечту о неясной, далекой победе, когда этот город — добыча и раб завоевателя — будет лежать распростертый под женской туфелькой.

— Это, — проговорил над ее ухом чей-то голос, — один из красивейших маленьких курортов штата Висконсин.

— Вот как? — чуть нервно отозвалась Керри.

Поезд уже миновал станцию Вокиша. Керри еще раньше заметила, что позади сидит какой-то мужчина, и чувствовала, что он смотрит на ее пышные волосы. Он не мог спокойно сидеть на месте, и Керри инстинктивно догадывалась, что она вызывает в нем интерес. Девичья скромность и чувство приличия подсказывали ей, что нельзя допускать с его стороны ни малейшей фамильярности и следует держать его на расстоянии, но смелость и притягательная сила ее соседа, выработанные богатым опытом и прошлыми успехами, взяли верх, и Керри откликнулась.

Слегка наклонившись вперед, он положил локти на спинку ее сиденья и заговорил, желая показать себя приятным спутником:

— Да, прекрасный уголок, отличные отели. Здесь отдыхают чикагцы. Вы, по-видимому, не знакомы с этими местами?

— Нет, знакома, — ответила Керри. — Вернее, я живу в Колумбия-сити, а здесь мне еще не приходилось бывать.

— Итак, это ваша первая поездка в Чикаго, — заметил он.

Во время этого разговора Керри видела своего собеседника лишь краешком глаза. Яркие, румяные щеки, светлые усы, на голове серая фетровая шляпа. Теперь она поверну-

лась и посмотрела ему прямо в лицо; кокетливость боролась в ней сейчас с инстинктом самозащиты.

— Я не говорила вам, что это моя первая поездка, — сказала Керри.

— О! — приятно улыбнулся он, как бы изумляясь своей ошибке. — Очевидно, я ослышался.

Это был типичный коммивояжер крупного торгового дома, принадлежавший к категории людей, которых на жаргоне того времени называли «барабанщиками». К нему вполне подходило также и более позднее название, широко распространившееся в Америке восьмидесятых годов и определявшее людей, одежда и манеры которых рассчитаны на то, чтобы вызывать восхищение впечатлительных молодых женщин. Таких называли «мастак».

Его коричневый шерстяной костюм в клетку был в то время еще новинкой — потом он стал обычным костюмом делового человека. В глубоком вырезе жилета видна была накрахмаленная грудь сорочки в белую и розовую полосу. Из рукавов пиджака выглядывали полотняные манжеты в такую же полосу, застегнутые крупными позолоченными запонками с обыкновенными желтыми агатами, известными под названием «кошачий глаз». На пальцах блестело несколько колец (среди них, конечно, неизменный перстень с печаткой), из карманчика жилета свисала золотая цепочка от часов, на которой болтался жетон тайного ордена Лосей. Костюм сидел почти в обтяжку. Наряд дополняли ярко начищенные коричневые ботинки на толстой подошве и мягкая серая шляпа.

Человеку, стоящему на уровне развития Керри, незнакомец мог показаться интересным, и ей достаточно было одного беглого взгляда, чтобы заметить все, что говорило в его пользу.

На случай, если люди подобного типа переведутся на земле, я позволю себе обрисовать здесь те приемы и уловки, к которым они прибегали не без успеха. Хорошее платье являлось, разумеется, главным козырем коммивояжера, без него он — ничто. Затем он должен был обладать физически крепкой натурой, главная движущая сила которой — острое влечение к женщине. И разумом, которому чужды какие-либо размышления о проблемах и силах, управляю-

щих миром; поступками же его руководили не алчность, а ненасытная любовь к разнообразным удовольствиям.

Его приемы обычно были очень просты. Прежде всего — смелость, основанная, конечно, на сильном чувственном желании и восхищении прекрасным полом.

При встрече с молодой женщиной он начинал ухаживать за нею с добродушной фамильярностью, не лишенной, однако, оттенка мольбы, и в большинстве случаев его ухаживания принимались снисходительно.

Если женщина обнаруживала склонность к кокетству, он позволял себе поправить на ней бантик, а заметив, что «клюнуло», тотчас начинал называть ее просто по имени.

Зайдя, к примеру, в универсальный магазин, коммивояжер непринужденно облакачивался на прилавок и задавал продавщице несколько наводящих вопросов. В более изысканных кругах, а также в поезде или в зале ожидания он вел себя осторожнее. Но как только на его горизонте появлялся податливый, по его мнению, объект, он становился воплощенным вниманием и любезностью, заводил речь о погоде, галантно открывал дверь вагона, помогал нести чемодан, если же это не удавалось, старался сесть рядом, надеясь до прибытия поезда к месту назначения найти возможность поухаживать. Положить под голову подушечку, предложить книгу, скамеечку под ноги, опустить штору — он успевал подумать обо всем. И, доехав до места, он лишь в том случае не сходил вслед за спутницей, чтобы принять на себя заботу о ее багаже, если считал дело безнадежным.

Кому-нибудь из женщин следовало бы написать философский трактат об одежде. Как бы женщина ни была молода, она знает толк в платье. Оценивая мужской костюм, женщина проводит при этом некую едва заметную грань, которая позволяет ей делить мужчин на стоящих и не стоящих ее внимания. Индивидуум, опустившийся ниже этой грани, уже никогда не удостоится ее взгляда.

Есть и другая грань, которая заставляет женщину сравнивать одежду мужчины со своей. И к такому сравнению невольно побудил Керри ее сосед. Она внезапно поняла, как они неравны. Ее простое синее платье с отделкой из черной бумажной тесьмы показалось ей жалким... Она вдруг увидела, как поношены ее ботинки.

— Позвольте, — продолжал ее спутник, — ведь я как будто многих знаю в вашем городке! Хотя бы Моргенрота — магазин готового платья, Гибсона — мануфактурный магазин...

— В самом деле? — перебила Керри и сразу взволновалась, вспомнив, сколько томительных минут она пережила, простаивая перед витринами этих магазинов.

А он почувствовал, что нашел наконец ключ к ее вниманию. Через несколько минут он уже подсел к ней и принялся рассказывать о заключенных им сделках по продаже готового платья, о своих странствованиях, о Чикаго и городских развлечениях.

— Вы получите массу удовольствий, раз вы едете в Чикаго. У вас там есть родные?

— Я еду навестить сестру, — ответила Керри.

— Вы непременно должны осмотреть Линкольн-парк и бульвар Мичиган, — сказал он. — Вот где строятся гигантские здания! Это в полном смысле слова второй Нью-Йорк. Изумительный город! Там есть на что посмотреть! Театры, огромные толпы народа, красивые дома. О, вам там очень понравится!

Стараясь представить себе все, что он описывал, Керри вдруг ощутила глухую тоску. Она казалась себе таким ничтожеством по сравнению со всем этим великолепием, и ей стало не по себе. Она прекрасно понимала, что ее ждут не одни удовольствия, однако было что-то обещающее во всем том, о чем ей рассказывал ее спутник. Ей было приятно внимание этого хорошо одетого человека.

Она не могла сдержать улыбки, когда он, заговорив об одной известной актрисе, сказал, что Керри напоминает ее. Девушка отнюдь не была глупа, и все же ей это польстило.

— Вы ведь побудете немного в Чикаго? — спросил он в ходе беседы, теперь уже совсем непринужденной.

— Право, не знаю, — уклончиво сказала Керри: у нее мелькнула мысль, что она может не найти там работы.

— Но уж несколько недель во всяком случае поживете? — спросил он, пристально глядя ей в глаза.

То, что между ними происходило, было гораздо значительнее произнесенных слов. Он угадал в этой девушке какую-то неуловимую прелесть, заменявшую ей броскую

красоту. Керри поняла, что интересна для него лишь с вполне определенной точки зрения, — это обычно пугает женщину и вместе с тем тайно радует. Она держалась очень просто, хотя бы потому, что еще не успела научиться легкому жеманству, которое помогает женщинам скрывать свои истинные чувства. Кое в чем ее поведение могло показаться смелым. Будь у нее, например, умный и опытный друг, он объяснил бы ей, что не следует так упорно смотреть мужчине в глаза.

— Почему это вас интересует? — спросила она.

— Да просто потому, что я сам пробуду в Чикаго несколько недель. Мне нужно хорошенько ознакомиться с товарами нашей фирмы и запастись новыми образцами. Тем временем я бы показал вам город.

— Я не знаю, сможете ли вы... То есть, вернее, не знаю, смогу ли я. Ведь я буду жить у сестры, и...

— Ну что ж, если она будет против, мы как-нибудь это уладим.

Он достал из кармана маленькую записную книжку и карандаш, точно они уже обо всем договорились.

— Какой же ваш адрес?

Керри порылась в кошельке, где хранилась бумажка с адресом сестры.

Ее спутник засунул руку в задний карман брюк и достал толстенный бумажник с пачкой зеленых ассигнаций и уймой различных записочек и квитанций. Бумажник произвел на Керри большое впечатление: такого не было ни у кого из ее знакомых. Да и вообще никогда еще она не встречала столь опытного путешественника и столь светского шеголя. Бумажник, блестящие коричневые ботинки, изящный, с иголки, костюм, уверенность в каждом жесте и каждом слове — все это рисовало ее воображению мир несметных богатств, окружавших этого человека. И потому она готова была отнестись благосклонно ко всему, что бы он ни предложил.

Он вынул из бумажника красивую визитную карточку своей фирмы с литографированной надписью: «Бартлет, Карио и К°»; внизу, в левом уголке, было добавлено: «Чарльз Друэ».

— Вот это я, — сказал он, подавая карточку Керри и указывая на фамилию внизу. — Произносится «Друэ», по отцу я француз.

Пока Друэ прятал бумажник, Керри рассматривала карточку. Затем он достал из внутреннего кармана пиджака пачку писем, взял одно из них и, указывая ей на красовавшийся сбоку рисунок, сказал:

— Это дом, где помещается наша фирма. На углу Стэйт— и Лейк-стрит.

Он произнес это с гордостью. Служба в такой фирме что-нибудь да значит, и ему хотелось, чтобы девушка это почувствовала.

— Итак, ваш адрес? — снова спросил он и приготовился записывать.

— Керри Мибер, — медленно сказала она. — Ван-Бьюрен-стрит на Западной стороне, дом триста пятьдесят четыре, квартира Гансона.

Друэ аккуратно записал адрес, снова вынул бумажник и спрятал туда записную книжку.

— Если я загляну к вам в понедельник вечером, я вас застану дома? — спросил он.

— Думаю, что застанете, — ответила Керри.

Как это верно, что слова — лишь бледные тени того множества мыслей и ощущений, что стоят за ними! Слова — это крохотные слышимые звенья, связующие большие неслышимые чувства и стремления.

Здесь, в вагоне, эти двое перекидывались незначительными фразами, доставали кошелек или бумажник, разглядывали визитную карточку, и каждый не сознавал, как невнятны его истинные чувства для другого. Ни у него, ни у нее не хватало проницательности, чтобы угадать, что сейчас на уме у собеседника. Он еще не был уверен, удалось ли ему завлечь девушку. Она не понимала, что поддается ему, пока он не заручился ее адресом. И только тогда она почувствовала, что в чем-то ему уступила, а он убедился, что одержал победу. И уже оба поняли, что как-то связаны. И уже он овладел разговором, направляя его так, как ему хотелось. Он болтал с полной непринужденностью. А она стала держаться гораздо свободнее.

Они приближались к Чикаго. Замелькали сигнальные огни. Мимо пролетали встречные поезда. Из беспредельных просторов ровных и голых прерий к большому городу шагали по полям шеренги телеграфных столбов. Вдали уже вставали очертания предместий, высоко к небу вздымались фабричные трубы.

Часто стали попадаться двухэтажные деревянные строения, одиноко стоящие в открытом поле, не защищенные ни оградой, ни деревьями, словно дозорные надвигающейся армии домов.

Ребенку, человеку, одаренному воображением, и тому, кто никогда не путешествовал, момент приближения к большому городу всегда сулит чудеса. Особенно если это происходит вечером, в тот таинственный час борьбы света с мраком, когда весь живой мир переходит из одного состояния в другое. О, эти обещания надвигающейся ночи! Как много говорит ночь усталому человеку! Сколько былых иллюзий и надежд возрождает она! Душа утомленного труженика говорит: «Скоро я буду свободна! Я примкну к сонмам веселящихся и буду веселиться вместе с ними. Улицы, фонари, ярко освещенные комнаты, где накрыты обеденные столы, — все это для меня! Театры, залы, собрания, пути, что ведут к отдыху, и тропинки, что ведут к веселым песням, — все это с наступлением ночи мое!» Хотя весь род людской еще работает в конторах и на заводах — трепет предвкушения уже наполняет воздух. Самые апатичные люди и те испытывают чувство, которое не всегда можно описать или выразить словами, — точно с плеч вдруг свалилось тяжелое бремя.

Сестра Керри глядела в окно. Любопытство девушки, словно прилипчивая болезнь, передалось ее спутнику, и он сам по-новому стал смотреть на большой город, рассказывая ей о его чудесах.

— Это северо-западная часть Чикаго, — сказал Друэ. — А вот река Чикаго, — добавил он, указывая на мутную реку, где, упираясь носами в усаженные черными столбиками гранитные берега, теснились трехмачтовые гиганты, пришельцы из далеких вод.

Свист вырывающегося пара, стук, лязг — и река осталась позади.

— Чикаго становится великим городом, — продолжал Друэ, — удивительным городом! Вы найдете там много такого, на что стоит посмотреть.

Керри почти не слушала его. Ее вдруг охватил невольный страх при мысли, что она совсем одна, вдали от родного дома, и ее несет прямо в огромное море жизни и дерзаний. Она почувствовала, что ей не хватает воздуха, — сильное сердцебиение вызывало легкую тошноту. Она прикрыла глаза и стала убеждать себя, что все это пустяки, что Колумбия-сити не так уж далеко от Чикаго.

— Чикаго! Чикаго! — прокричал проводник, шумно открывая дверь.

Поезд врезался в густую сеть рельсов; грохот и гул наполнили воздух. Керри схватила в одну руку свой жалкий чемоданчик, а в другой крепко зажала кошелек.

Друэ тоже встал. Привычным движением ног расправив брюки, он взял свой чистенький желтый чемодан.

— Вероятно, ваши родные встретят вас? — спросил он. — Разрешите мне донести ваш чемодан.

— О нет, не надо! — быстро ответила Керри. — Пожалуйста, не надо! И прошу вас, не стойте рядом, когда подойдет моя сестра.

— Хорошо, — нисколько не обижаясь, отозвался он. — Но на всякий случай я буду поблизости, если вашей сестры на вокзале не окажется, я вас доставлю к ней.

— Вы очень добры, — поблагодарила его Керри, чувствуя, как в столь непривычной для нее обстановке ценно подобное внимание.

— Чикаго! — снова протяжно прокричал проводник.

Медленно продвигаясь вперед, поезд вошел под огромный сумрачный свод вокзала, где только что начали зажигаться огни. Все пассажиры были уже на ногах и толпились у выхода.

— Ну, вот мы и приехали, — сказал Друэ, направляясь к двери. — До свиданья, до понедельника.

— До свиданья! — ответила Керри и пожала его протянутую руку.

— Помните, я не выпущу вас из виду, пока вы не найдете сестру!

Она улыбнулась, глядя ему в глаза.

Пассажиры один за другим стали покидать вагон. Друэ сделал вид, будто не обращает на Керри внимания. На перроне какая-то невзрачная женщина с изможденным лицом узнала Керри и поспешила к ней навстречу.

— А, здравствуй, Керри! — сказала она и небрежно обняла сестру.

Керри почувствовала, как мгновенно исчезла атмосфера ласкового внимания. Среди суматохи, шума и новизны она ощутила холодное прикосновение действительности. Какой уж там мир яркого света и веселья! Какой уж там вихрь развлечений и удовольствий! На лице сестры была написана вся история ее тяжелой жизни, полной забот и труда.

— Ну, как поживают все наши? — спросила она. — Как отец, как мама?

Керри отвечала на вопросы, но глаза ее были устремлены вдаль. В конце перрона, у прохода, который вел в зал ожидания и на улицу, стоял Друэ. Он тоже оглянулся. Убедившись, что она видит его и что она находится под охраной сестры, он слегка улыбнулся ей и двинулся дальше. Одна только Керри заметила это, И тут при виде его удаляющейся фигуры ее охватило такое чувство, словно она чего-то лишилась. Когда же он совсем скрылся из виду, она поняла, что ей недостает его. Она чувствовала себя куда более одинокой в обществе сестры — теперь она одна, совсем одна среди бурного, равнодушного моря.

ГЛАВА II

ЧЕМ ГРОЗИТ НИЩЕТА. ГРАНИТ И ДЕНЬГИ

Квартирка Минни была расположена в третьем этаже дома на Ван-Бьюрен-стрит, где ютятся семьи рабочих и конторских служащих, людей, прибывших и продолжавших прибывать в Чикаго с тем потоком, который ежегодно увеличивал население города на пять-десять тысяч человек. Две комнаты выходили окнами на улицу, где по вечерам ярко горели витрины гастрономических магазинов и на тротуаре играли дети. Девушке было внове и понравилось треньканье звонков конки, то приближавшееся, то зами-